

АЛЕКСАНДР АДАШЕВ

15 ЛЕТ НА ЗОНЕ

ЗАПИСКИ УБИЙЦЫ ПОНЕВОЛЕ

Александр Адашев
15 лет на зоне. Записки
убийцы поневоле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23793833

ISBN 9785448507052

Аннотация

«Лучшая книга о тюрьме и зоне, какую мы читали. Вы когда-нибудь думали, каково это: просидеть 15 лет, от звонка до звонка? За преступление, которого не совершал? Что чувствует человек, которого посадили в 1993, а выпустили в 2008? Прочтите эту книгу. Это новая «Повесть о настоящем человеке», – Н. Мащенко и Д. Кудряков, друзья.

Содержание

Вступление	5
Глава первая. Кто там?	8
Глава вторая. Методы следствия	18
Глава третья. Что интересного в тюрьме	46
Конец ознакомительного фрагмента.	73

15 лет на зоне

Записки убийцы поневоле

Александр Адашев

© Александр Адашев, 2017

ISBN 978-5-4485-0705-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Итак, 19 декабря 2008 года настал тот день, которого я ждал так, как описать словами невозможно. Ждал не только этого дня, но и момента, когда позвонит телефон у дневального отряда и дежурный с вахты назовет ему мою фамилию и скажет, что бы его (то есть меня) он пригласил на освобождение. Обычно звонят где-то в 10 утра. Но в моем случае это произошло немного позже. В 12. До этого момента я успел пообщаться с тем же дневальным, попрощаться с пацанами с отряда и даже почитать книгу Зеедорфа про то, как выбирать себе судьбу.

С моей судьбой на ближайшие дни все было ясно, выбрана она была давно и в этот момент меня очень радовала. Звонок раздался и я, взяв сумку с вещами, пожав дневальному руку, отправился к выходу из локального участка. По дороге я подошел к забору, отгораживающему один из отрядов, чтобы увидеть моего хорошего друга, попрощаться и с ним.

Зайти в общежитие не своего отряда мне не дали, так как это не положено даже отсидевшим 15 лет, но сквозь решетку и металлическую сетку я все-таки простился с Сергеем (имя моего товарища), другими знакомыми, отдал им ненужные мне уже зоновские вещи и отправился дальше.

Потом санчасть. Еще два моих друга, работающих санитарами санчасти и вольнонаемный фельдшер. Короткое про-

щение с ними.

Ну а затем был последний «шмон», изучение моих тетрадок и журналов, которые я решил забрать с собой на память.

Свершается!!! Наконец-то я иду по *стоเมตรовке*, которая отделяет жилую зону от заветной проходной (пропускного пункта), через который сотрудники администрации ходят каждый день и никаких эмоций по этому поводу не испытывают. Но. Все в мире относительно, и те эмоции, которые я испытывал пока шел по этой *стоเมตรовке* вообще описать никакими словами невозможно.

Наконец-то, последние формальности, ответы на вопросы кто и что я, за что сидел и где раньше жил (вдруг кого-то другого вместо меня выпускают) заканчиваются и выхожу я на открытое пространство. На свежий воздух, на то, что не ограничено стенами, заборами, колючей проволокой и контролерами, с которыми при всем желании найти общий язык, взаимопонимания добиться бывает невозможно.

Дальше – бухгалтерия и спецчасть. Но, тут меня уже встретил и обнял человек, который с таким же, как и я, нетерпением ждал моего освобождения и приехал меня встречать. Я, хотя и знал, что он находится за забором, вздохнул совершенно свободно, и приготовился наслаждаться нормальной жизнью, мною уже основательно забытой.

В спецчасти мне выдали мой старый советский паспорт, который изъяли у меня еще при аресте, в далеком, еще 1993-м, году. Выдали справку об освобождении, а в бухгалтерии

дали около 50 гривен на дорогу до Киева. Не знаю, как бы я на эти деньги добрался до Киева, если бы меня не встречали...

Потом мы сели в машину Шевроле Лачетти, водитель тронулся с места, и 15 лет моей жизни стали уменьшаться в размерах за задним стеклом автомобиля.

Через какое-то время мне от друзей поступило предложение описать свой опыт и впечатления. В понятном и доступном виде. Для нормальных и адекватных людей, каким я считаю и себя. Надеюсь, что какая-то польза для кого-то в этом будет.

Давно известно, и никто с этим не спорит, что от уголовного преследования, попадания в места лишения свободы никто не застрахован. Так что же делать и как относиться ко всему происходящему, в случае если это произошло.

Глава первая. Кто там?

Много написано литературы о том, как выжить в тюрьме.

Последнее время она (литература эта) довольно точно отражает суть вопроса. Вот Андрей Кудин (*«Как выжить в тюрьме»*), например, очень даже неплохо описал увиденное во время нахождения на Лукьяновском СИЗО в 1996 году. Хотя он и пробыл там шесть месяцев, впечатлений набрался немало и были они такие яркие, что книга получилась очень неплохая.

Стоит быть упомянут и Виталий Лозовский (*«Как выжить и провести время с пользой в тюрьме»*). Этот автор интересен тем, что побывал на российских и украинских тюрьмах, а также немного в колонии. Его описание тоже довольно точно отражает реальность.

Так вот, пишут в основном, что если человек оказался в месте лишения свободы, то это еще не конец жизни. Жить и выживать вполне даже можно. Написанные книги довольно правдиво освещают то, что хоть условия там далеко не цивилизованные, тем не менее, отношения между находящимися там людьми не такие страшные, как было принято считать. Существует, конечно, масса нюансов и отличий от нормальной жизни. Именно о них речь и идет у упомянутых авторов. Об этом же буду писать и я.

Сказать есть что. Книги, о которых я говорил, при всех

своих плюсах, написаны уже некоторое время назад. Кое-что поменялось. Мой срок начинался еще до того, как оказался в СИЗО Кудин, до того как арестовали Лозовского. А с момента окончания прошло меньше года. Происходящие изменения я видел в процессе и изнутри. Надеюсь поэтому, что мои мысли будут не менее интересны и полезны всем, кто решит с ними ознакомиться.

За последние десять лет претерпело изменение общество. С 2001 года действует новый Уголовный Кодекс. Люди стали немного другие, ценности, которые были раньше, уступили место новым. Поменялись так называемые «понятия», о которых я еще напишу свое мнение.

Стала чуть другой и администрация учреждений пенитенциарной системы. Сделала небольшой шаг в сторону цивилизованности. Случаются, конечно же, ситуации и происходят различного рода эксцессы, но о них, как правило, узнает общественность. Это если не портит карьеру представителям руководства учреждений исполнения наказаний, то хотя бы заставляет объясняться и отчитываться либо перед начальством, либо перед представителями средств массовой информации, чего они страшно не любят. Поэтому пытаются, как умеют, таких эксцессов не допускать.

По большому счету, у человека, который попал и уже находится в Изоляторе временного содержания (ИВС, ранее называлось КПЗ) либо в следственном изоляторе (СИЗО,

а простому в тюрьме), все проблемы заканчиваются. Ему уже не обязательно думать о том, где взять денег, чтобы договориться со следователями, адвокатами и другими представителями этого бизнеса. Ему не надо ездить по городу, назначать и переносить встречи, думать, как лучше поступить и что правильнее сделать, приходить по вызовам или скрываться, нервничать насчет завтрашнего дня и тому подобное. Как только за ним с лязгом закрылась железная дверь и затихли шаги надзирателя, положение этого человека может только улучшаться.

Со мной все происходило так. В знаменательный для меня день, 20 декабря 1993 года, в понедельник (!), около без пятнадцати шесть утра, в дверь позвонили. Я в это время спал. С молодой женой. Вечером предыдущего дня мы катались по городу, приехали поздно и так рано вставать не собирались.

В этом месте постараюсь как можно короче познакомить с собой читателей.

К описываемому моменту я был директором Общества с ограниченной ответственностью с многообещающим названием «Эдем». Предприятие это за год до того я выкупил за какие-то не очень большие деньги для осуществления услуг в сфере финансового консалтинга. Сказать проще, я и двадцать моих сотрудников помогали привлекать финан-

сирование под различные проекты тем, кто сам не знал, как это делается. В нашей стране знает, что как делается тот, кто кого-то знает. Я знал несколько полезных в этой сфере людей.

Прибыли от такой деятельности вполне хватало на завидную в 1993 году жизнь. В числе прочих позавидовали мне и два представителя одной из самых известных на тот момент «бригады» города Киева («бригадами» себя называли преступные группировки).

Эта книга не предполагает подробного описания моих с ними отношений. Скажу только, что не без моей помощи они стали богаче на неплохой джип и несколько тысяч долларов. Но их погубили три вещи – жадность, хамство и умение до смерти запугивать своих жертв.

За месяц до уже упомянутой даты они попали в аварию. Побили свою и полностью разбили чужую машину, за которую оказались должны шесть тысяч американских денег. И не придумали ничего лучше, чем приехать ко мне. То, что вопрос наших денежных взаимоотношений был решен по тем самым «понятиям» между одним из руководителем дружественной мне «бригады» и их «папой», не помешало им появиться еще раз.

Будучи «бизнесменом» (взято мной в кавычки, так как в данном случае это сленговое рэкетирское выражение), я попытался как мог объяснить им, что у них нет оснований опять приезжать ко мне в офис, пугать всех, доводить мою

молодую жену до истерики и требовать еще денег. Но, слушать объяснения какого-то «терпилы» им было не к лицу, и установили они срок выплаты необходимой суммы денег.

Из моего изложения должно быть ясно, что работать приходилось с разными людьми, а также немалыми средствами, наличными и безналичными. Поэтому у меня помимо отношений с бандитами, была еще и собственная служба безопасности. В нее входило шесть человек. Один на тот момент лейтенант Службы Безопасности Украины, «альфовец», еще один оканчивал Военный Институт Управления и Связи и должен был через некоторое время тоже идти на службу в СБУ. Был еще брат лейтенанта, тоже курсант и несколько товарищей по секции рукопашного боя.

Конечно же, посещение рэкетиров стало предметом обсуждения между мной и этими парнями. Решено было пригласить вымогателей на встречу за город, там их наказать за хамское поведение, не убивая при этом. Оставить без машины, чтобы вернулись они в город пешком, тем самым выиграть время до приезда из-за границы руководителя дружественной мне «бригады», о котором я упоминал.

Получилось, однако, что во время осуществления нашего плана потерпевшие умудрились запугать самого молодого из участников событий, 18-ти летнего студента исторического факультета Университета им. Шевченко, друга моих спортсменов, Андрея. До такой степени, что он ушел в себя, думая, что же делать и как спастись. И не придумал ничего

другого, как нанести одному потерпевшему 16 ножевых ранений, а другому вообще 56 (!) сувенирным ножом-открывашкой. Лезвие которого выкручивается из ручки и в длину составляет 6 сантиметров. Ни одно из упомянутых ранений экспертиза не признала смертельным. Скончались они от общей потери крови.

Резал их Андрюша уже после того, как большинство участников с места событий уехала. Уехала в уверенности, что для таких молодых и здоровых парней, которыми были вымогатели, нанесенные удары руками и ногами не смертельны.

Было темно. Уезжать надо было оттуда и мне. Видим, что Андрея нет. Пошли искать. Нашли возле потерпевших. Забрали его, посадили в машину и поехали в сторону Киева. Состояние нашего парня, конечно, было странным, но особого значения никто этому не придал. Как никто не воспринял всерьез его слова о том, что он зарезал рэкетиров. О том, что можно кого-то зарезать ножом-открывашкой никто не подумал. Да и то, что у Андрюши был такой нож, никто не знал.

Неладное мы почувствовали только через несколько дней. Из-за того, что джип наших «друзей» никто не забирал из-под здания на Соломенской площади, где был офис «Эдема».

Потом начались звонки из милиции. Мной не делалось особенного секрета из того, что два исчезнувших человека приезжали в офис и требовали денег. Но о том, куда они де-

лись потом, я, конечно, же «не знал». Версия была такая: ездили мы на встречу за город, я там якобы одолжил у знакомых денег, отдал им, после чего они сели в такси и уехали. Не сказав куда. И пока не обнаружили их трупы, все выглядело правдоподобно.

А обнаружили они 19 декабря, после попытки моих, будем теперь говорить подельников, их закопать. А то ведь три недели лежали на открытом месте в Бортническом лесничестве. В момент завершения мероприятия их издали увидел местный лесник. Как он сам потом рассказывал, подумал: – «Браконьеры». Парни сели в машину и уехали, а лесник пошел в ту сторону. И наступил туда, где только что копали. Везде земля была замерзшая, а в том месте рыхлая. Из любопытства он начал раскапывать. Потом вызвал милицию.

Итак, 20 декабря 1993 года, в понедельник, около без пятинадцати шесть утра, в дверь позвонили.

Я сразу не открыл.

– Кто там? – спрашиваю.

– Милиция, – отвечают.

– Какая милиция, еще шести нет, – говорю я.

– Правда милиция, если вы нам не верите, то позвоните 02, или в Горуправление, Вам подтвердят, что к Вам выехала опергруппа, – говорят мне.

До этого я предполагал, что рано или поздно следователь ко мне приедет, ведь наши потерпевшие бандиты числились

пропавшими без вести. А меня пару раз вызывали для дачи пояснений. Я пояснял по телефону, потом посылал своего юриста для пояснений вместо меня. В общем, игнорировал милицию. О том, что подельники решили закопать трупы, я не знал вообще.

Не верить стоявшим за дверью у меня не было оснований. Открываю.

– Вы Шемарулин Александр Викторович? – спрашивает меня человек, одетый в гражданское.

За этим человеком стояло еще двое таких же, и присутствовал «беркутовец» с автоматом и в бронежилете.

– Да, это я, – отвечаю.

– А будьте добры, ваш паспорт. Вдруг вы все-таки не тот человек, который нам нужен.

Предъявил я паспорт, после чего мне так же вежливо предложили одеться и проехать в Управление по Киевской области, то есть в то самое знаменитое здание, Короленко 15, по-старому, а по-новому Владимирская столько же. Откуда, как шутили при Союзе, был виден Магадан. Если бы все описываемое происходило со мной за пять лет до того, именно Магадан я и увидел бы. Ну, на худой конец, Красноярск. Рудники или лесоповал.

А в тот момент я, сбитый с толку необычной вежливостью приехавших сотрудников, без возражений согласился ехать с ними.

К чему я это вел? Совершенно не обязательно к Вам будет

вламываться ОМОН в маски, выбивать двери и разбивать стекла в окнах. Может быть все чинно-благородно!

Однако, как я сейчас понимаю, этому надо было огорчаться, а не радоваться. Если арест производится без запугивания, выбивания дверей и физического воздействия, то будьте уверены: на Вас столько материала, что от ваших показаний мало что зависит. Не требуются уже ни явки с повинной, ни признания вины. По-любому посадят.

В противном случае, то есть если арестовывали Вас страшные здоровые люди в черных масках и после этого мероприятия все болит, а голова не соображает – знайте, что своим поведением в дальнейшем Вы можете как облегчить, так и усложнить себе жизнь на ближайшие годы. Очень важно, что будет говориться и подписываться. Тут лучше всё-таки заставить голову соображать.

Но, продолжу про то, что происходило со мной.

Жена моя, делавшая тогда вид, что любит меня, попросилась ехать вместе со мной. Запросили по рации начальство. Начальство дало добро. Накинула она на халат пальто, спустились мы в милицкий бобик и поехали.

На входе в Управление нас уже ждали. Меня повели на четвертый этаж допрашивать, а ей сказали побыть внизу, типа «он скоро вернется». Мы не обнялись с поцелуем на прощание, думая, что мероприятие не займет много времени.

Хорошо, что человек не знает своего будущего. Если бы я

знал, что мы в следующий раз увидимся через год, девять месяцев и девять дней, мое психическое здоровье уже тогда бы пошатнулось. А так, и до сих пор, слава Богу, все в порядке.

Глава вторая. Методы следствия

На четвертом этаже меня уже ждали. Дознаватели. Попростому, опера. Первым делом мне были предъявлены фотографии наших потерпевших. Прижизненные и посмертные. И именно в этот момент я понял, что сегодня меня точно не отпустят. Естественно я огорчился. До этого момента, пока они не были обнаружены, говорить можно было что угодно. А сейчас...

Раскалывать меня принялись следующим образом. «Мы, – говорят, – знаем, что представляли собой потерпевшие, у нас они проходили, один ранее судим за сутенерство, поэтому предполагаем, что вы так с ними поступили в порядке самозащиты». Ну, конечно же. В глобальном масштабе так оно и было. «А за превышение пределов необходимой обороны много не дают, а тебя так вообще отпустят». Таким образом, мягко и аккуратно, было получено от меня подтверждение участия в событии, а дальнейшее уж было делом техники.

Вывод прост до невозможности. Милиция делает свое дело, а цель его в том, чтобы раскрыть и доказать преступление как можно более тяжкое. Лучшее доказательство – показания подозреваемого.

– Был?

– Был!

– Присутствовал?

– Присутствовал!

Значит, организатор и исполнитель. И далеко не по делу о превышении пределов необходимой самообороны. Ведь факты можно трактовать по-разному. И думать, что следствие будет делать это в вашу пользу – глупо. За это им премию не дадут и в звании не повысят.

С моими подельниками, по их рассказам, обошлись не так вежливо. Им досталось. Думаю, что из-за того, что следствию надо было решить, кто виноват больше. Кто меньше. Кто бил, кто держал, кто нанес ножевые ранения.

Но, так или иначе, в первые же дни после ареста в нашем деле все было предельно ясно. Адвокатов к нам сначала не пускали. У меня он был, но к тому моменту когда ему дали со мной поговорить, я уже наговорил на себя такого, что он взялся за голову. Поэтому, самое основное правило поведения в милиции, **не говорить без адвоката ничего**. Какая бы злая или добрая она (милиция) не была. Сейчас это проще, чем раньше, когда адвокатов по закону не были обязаны допускать к подозреваемому до первого допроса.

Часто спрашивают, можно ли решить вопрос сразу же, а если можно, то как это сделать. Исходя из своего опыта, подозреваю, что можно. Главное не ошибиться в какой момент. У меня такой момент был. Как я уже писал, сразу же за меня взялись дознаватели. Но, интересно то, что день моего задержания совпал с днем украинской милиции, и посмот-

реть на меня сразу же пришли генерал, начальник управления области, и прокурор области, который и подписывал мне санкцию. Оба они по поводу праздника были в парадной форме и в хорошем настроении. И оба выразили желание со мной поговорить. А я, дурак, отказался. К тому моменту я уже был, выражаясь помягче, в шоке и соображал не очень хорошо. А если бы соображал, то мог бы предложить кому-то из них подарок в размере своей машины (735-й BMW), и пошел бы я по делу свидетелем. Не буду утверждать, что это стопроцентный факт, но подозреваю, что именно этого они и хотели.

Я, повторюсь, отказался разговаривать. И поэтому день для меня закончился тем, что посадили меня в «шестерку» и транспортировали в Бровары на КПЗ. Других подельников развезли по всей области, кого куда. Сделано так было потому, что дело наше вела прокуратура области, и для того, что бы между нами не было связи, распределили нас далеко друг от друга.

Книга эта, однако, не только мои мемуары. У нее есть определенная цель – дать советы по поведению в таких ситуациях и характеристику сотрудникам наших правоохранительных органов.

До описанных выше событий я сталкивался с милицией. В основном с гаишниками. Хотя, был опыт общения и со следователями. Проходил я по одному делу о мошенничестве.

Решилось оно возмещением ущерба потерпевшей стороне и закрытием дела. Был даже потерпевшей стороной, когда ограбили мою квартиру. (Грабителей я тогда вычислил сам, быстрее милиции). Так что предмет я знаю.

Так какая же бывает милиция и как иметь с ней дело, в зависимости от статуса и положения представителя органов.

Первое, что хочется написать по этому поводу, это то, что как и все люди (рискую нарваться на критику!) милиционеры чувствуют отношение к ним и реагируют на него. Но не адекватно. Видя, что отношение нормальное, ответ будет нейтральный. Ну, а если человек всем своим видом показывает, что мусора есть мусора, то и поступать с ним будут как с преступником и маньяком. Не важно, что человек этот может быть чист перед законом. Милиция умеет доказывать обратное.

Второе, работа в милиции, так или иначе, предполагает определенное знание психологии.

Гаишники безошибочно (за редкими исключениями) определяют, у кого можно брать, а у кого не стоит.

Опера не раскрыли бы ни одного преступления, если бы не знали у кого, когда и как получать информацию. Потому что, если кто думает, что раскрываемость зависит от работы экспертов, от способности следователей к описанному в детективах логическому мышлению, то он ошибается. Опера знают, кто потенциально может иметь необходимую информацию и как ее получить. Кого задержать и напугать, кому

предложить какую преференцию, а кого купить. В основном наркотиками. Чудесно знают они, кто кого может сдать.

Следователи прокуратуры вообще профессионалы в том, как получить показания. Как в зависимости от качеств человека раскрутить его. Я – живой этому пример.

Судьи, хоть и относятся к этой системе, вообще другая история. Эти решают все в основном по прејскуранту. И из всех веток системы они самые застрахованные. Поэтому про них придется писать отдельно. Адвокаты же знают этот прејскурант и процесс взаиморасчетов, для чего и нужны.

Еще интересны нам работники пенитенциарной системы. Тюрем и колоний. Про них будет идти речь в следующих главах.

Какое же должно быть поведение с представителями правоохранительных органов?

Вот возьмем, например, тех же гаишников. Оптимальный вариант – не нарушать Правил Дорожного движения. И вообще с ними не общаться. Хотя, конечно, бывает, что ты ничего не нарушил, а тебя остановили, требуют документы, и еще и говорят, что нарушил. Чтобы разговаривать с ними на равных, необходимо знать законы. Советовал бы почитать книгу «Водитель и ГАИ в правовом государстве». Все, что там написано запомнить невозможно, но общее понятие о подводных камнях будет. И вообще лучше возить ее как

памятку с собой. И на каждую претензию реагировать в соответствии с инструкцией. При этом проявляя максимальное уважение к инспектору и, одновременно уверенность в собственной правоте. С готовностью отстаивать ее всеми законными способами. Если правда на вашей стороне, скорее всего вы поедете дальше без всяких потерь. Потому что лишние проблемы никому не нужны. Гаишникам в том числе. Ну, а если нарушение действительно имело место, с точки зрения жизни в цивилизованном государстве, проще согласиться заплатить штраф. И в следующий раз не нарушать.

Понятно, что гаишники – самый безобидный вариант общения с милицией. Как правило, вспоминают об этом опыте со смехом. Общение с дознавателями, в случае попадания на допрос, со смехом не вспоминает практически никто. Оно и понятно. В первые дни вообще не до смеха, впоследствии тоже хочется плакать. По прошествии лет.

Рассмотрим такую ситуацию. Попали вы к ним по подозрению, которое под собой оснований не имеет. Как себя вести?

О том, что говорить без адвоката ничего нельзя, я уже писал, и напишу еще не раз. А пока его нет, главное не поддаваться на запугивание и давление, но при этом и не молчать как глухонемому. Думаю, что разговор можно поддерживать. Правда при этом попытаться договориться, что до приезда адвоката разговор может идти только на темы отвлеченные.

Дела вообще не касающиеся. Опять же, необходимо оценивать то, о чем идет речь, не забывая, что все может быть использовано против вас. И то, что опера все разговоры ведет для того, чтобы раскрутить на нужные показания. За любое слово можно зацепиться и завести разговор в совершенно ненужное направление.

Сложно, конечно же, добиться того, чтобы они согласились общаться на темы, не относящиеся к делу. Тут тоже желательно проявить знание психологии. Для кого-то может оказаться полезной попытка вызвать жалость, кто-то сам сможет найти тему, на которую будет согласен поговорить до приезда адвоката. Главное не пытаться унижить их и запугать. Сто процентов, что запугать не получится, а на унижение будет неадекватный, как я уже писал, ответ.

Если до появления адвоката ничего не написано и не подписано, то можно вас поздравить. Повторю, что мы рассматриваем вариант, когда подозрение против вас оснований не имеет.

Итак, появился защитник. Хотелось бы, что бы он был знаком с вами до такой ситуации. Это для того, что бы быть уверенным в нем. Знать, что доверять ему можно. Потому что в этой ситуации он решает больше, чем кто-то другой. В каждом случае по-разному, зависит от сути предъявляемых претензий, но защитник лучше вас должен знать, что и как вам говорить. И что подписывать. Должен он знать

и то, от кого зависит выпустить вас из здания отделения или управления, в котором вы сейчас находитесь.

Возможно такое, что вы задержаны для того, чтобы получить с вас немного денег. Или много, у кого как. Серьезных обвинений против вас нет, но есть основания считать, что появится желание дать взятку за решение вопроса, которого может и не быть. Вряд ли получится самостоятельно оценить простоту или сложность ситуации. Но вместе с консультантом, в роли которого сейчас выступает адвокат, это необходимо сделать.

У меня было три адвоката. Первый, Александр Григорьевич, был нанят моей женой по совету друзей. Из той самой «дружественной группировки». Я увидел его через три дня после ареста. К тому моменту он, конечно, ознакомился с моими показаниями и другими материалами дела, на тот момент имевшимися. Главное, что он мне сказал, и я запомнил на всю жизнь, это то, что нам надо бороться за выживание. Не хотелось мне этому верить. Всерьёз воспринимать. Как же это, думаю, ведь бандиты? А я – в школе хорошо учился, за поведение оценки хорошие, характеристики, университет опять же! Они жизни моей угрожали, жену изнасиловать грозились, машину забирали, деньги я им перечислял! Какая борьба за жизнь?

А адвокат мне говорит: «То, что ты знаешь, и считаешь само собой разумеющимся, а также то, на что тебя купи-

ли опера, нам еще предстоит долго доказывать. При каждом следственном действии. При написании каждой жалобы. И писать их необходимо! И со свидетелями работать тоже! Каждый должен не забывать постоянно говорить о том, как все происходило, как себя потерпевшие вели, как угрожали, сколько получили и так далее. Только так мы можем остаться в живых! Статья-то до расстрела. Даже при одном потерпевшем. А тут двое!».

Хоть и не хотел я верить в такое развитие событий, поступать стал так, как сказали. Ничего не преувеличивая. И это мне помогло. В дальнейшем. Сразу я этого не знал, но после прошедших лет уверен в том, что так и есть. Все-таки проходил я по делу организатором и исполнителем. Прокурор на суде просил четыре расстрела! Мне не просил. Только пятнадцать лет. И это – плюс адвокату.

Вообще мой первый защитник мне запомнился с положительной стороны. Такой жизнерадостный дядька, умеющий и любящий поговорить. Что для адвоката, конечно же плюс. Благодаря ему в деле появились фактические материалы, подтверждающие то, что наши потерпевшие действительно бандиты. Он или уговорил, или заставил следователей потрудиться, взять показания у всех сотрудников, о том, что себе они позволяли у меня в офисе. Найти нотариуса, которая заверяла доверенность на передачу автомобиля рэкетирам, хотя прошло с того момента больше полугода. Он проверял каждый протокол и следил, чтобы везде было упо-

минание об угрозах и моем в связи с ними состоянии. Он выработал линию поведения моей жене, посоветовал сказать на следствии то, что она и говорила. И проконтролировал, чтобы её показания были точно зафиксированы.

Это все стоило ему времени, а моей жене и друзьям средств, которые у меня поначалу еще оставались. Следствие не горело желанием вести ту же линию, что и я. Как он и с кем из них договаривался, мне не известно. Но, в конце концов, считаю, что деньги ему, заплаченные, он отработал.

Еще мне запомнилось, что помимо участия в следственных действиях, Александр Григорьевич приходил ко мне в СИЗО для того, чтобы между мной и женой не терялась связь. Передавал мне записки и дополнительные передачи. В которые иногда даже входила водка «Смирнофф». Хотя я не особенно пьющий, тем не менее, в том месте это было совсем не лишним.

Иногда даже было весело. Так как я шел по расстрельной статье, по СИЗО первое время я передвигался не так как большинство содержащихся там людей, а в одиночку, в сопровождении двух контролеров. Один из них при выходе из камеры надевал на меня наручники и шел впереди меня, а второй сзади. С собакой. Как я потом шутил, я сам себя боялся. Такой с виду был опасный.

Таким образом меня доводили до следственных кабинетов, тоже специально сделанных для особо опасных, с клеткой внутри. Заводили в эту клетку, закрывали на висячий

замок и только тогда отстегивали наручники.

Иногда поговорить и что-нибудь написать приходили следователи, не особенно часто. В деле было в основном все понятно. Иногда приходил адвокат с письмом и передачей от жены. Я прямо там на месте выпивал то, что он приносил, заедал апельсиновой кожурой. Для того, чтобы не было запаха алкоголя. Читал записку, забирал передачу, после чего меня уводили обратно в камеру. Процесс повторялся в реверсном режиме. Наручники, открывался висячий замок. И так как сумку я свою с передачей нести не мог никак (наручники за спиной мешали), картина была такая: впереди идет контролер с собакой, потом я, модный парень в костюме от Воронина, а уже замыкает процессию второй контролер, несущий сумку с моей передачей. Прошу заметить при этом, что передача такая была совсем не положена, не говоря уже про водку. А адвокат мой решал с ними этот вопрос, да еще и договаривался о том, что контролер поработает носильщиком.

Такое получалось далеко не у всех адвокатов.

Сейчас во многом стало проще. Переписываться теперь не очень надо. В каждой камере есть кто-то с мобильным телефоном. Они запрещены, но имеются. Это дополнительный доход для контролеров. Принести мобилку стоит денег. Не изымать при обыске тоже. Да и в Киевском СИЗО администрация не видит в них ничего особенно плохого. Благодаря тому, что проблемы следственных органов Департамент Исполнения наказаний не интересуют, сейчас это разные ор-

ганизации. А в случае, если какой-то сиделец с мобилкой создает сложности для СИЗО, в любой момент можно её изъять. И уж тогда, конечно, телефона этот человек уже не увидит.

Аналогично и с алкоголем. И, по слухам, даже с наркотиками. Хотя, конечно, насчет последнего, думаю, просто та преувеличивается. Все-таки, за них могут того прапорщика-контролера не только выгнать с работы, но и посадить. Мало кто станет рисковать, даже за деньги.

Однако, я немного отвлекся от темы.

Второй адвокат у меня появился тогда, когда на первого закончились деньги. Александр Григорьевич при всех своих плюсах имел очень большой минус. Который, впрочем, был тесно взаимосвязан с плюсами. Уж очень он был дорогой. Когда у жены наличные средства иссякли, он предложил такой вариант. Упомянутую BMW в качестве расчета за мою защиту аж до момента освобождения. Когда бы оно ни произошло.

Жена такого варианта не оценила. Решила, что если её (машину) продать, то денег хватит и на адвоката, и на жизнь. Может и хватило бы. Но была одна проблема. На имущество был наложен арест, в том числе и на движимое. Органы автомобиль не изъяли. Потому что не нашли. Но по документам, как честный, продать его было нельзя.. Хотя и оформлен он был на нее. Попросила Лена помочь в реализации своего

знакомому бандита. Из группировки, с которой я был в хороших отношениях. И осталась она без машины и без денег.

А Александр Григорьевич знал, что хоть сразу и нельзя было эту BMW реализовать, арест на нее снимут. Она ведь мне официально не принадлежала. Что впоследствии и произошло. Но, жена решила по-своему, и адвоката пришлось искать нового и не такого дорогого. И еще: бандитов если я до тех пор не любил, после этого у меня на них вообще аллергия началась. В тюрьме и в колонии это мне жизнь, конечно же, не облегчило. Там они были в любом количестве и везде. В каждой «*хате*» (камере) в СИЗО и на каждом отряде в лагере.

Но, о моих отношениях с «*блатными*» речь пойдет дальше, а пока вернемся к адвокатам. Где-то на втором году следствия появился у меня второй защитник. Я не запомнил его имени-отчества. Так как видел я его не часто. Он бывал на следственных действиях, но ничего там почти не делал. С одной стороны, ему уже и не надо ничего было делать, но с другой стороны, следствие шло долго, и можно было бы добавить еще каких-то материалов в мою пользу. Про дополнительные передачи пришлось забыть.

Когда подошло время знакомиться с материалами дела, (выражаясь на понятном и юристам, и тем, кто у них в «работе», языке, закрывать дело или выполнять 218 статью), я начал волноваться. Ведь адвокат, который ничего не делает, ничего не говорит и не пишет, вряд ли сможет представить

меня на суде так, чтобы можно было рассчитывать на хоть какой-то терпимый результат. С момента ареста прошло полтора года. Я уже спустился с небес на землю, снял розовые очки и вполне трезво смотрел на вещи. Тем более, что у меня была возможность послушаться совсем не оптимистичных рассказов о приговорах наших судов. Особенно тех судов, которые вели подрасстрельные дела.

Путем мысленной и письменной передачи информации я уговорил жену поменять адвоката. А может даже не поменять, а нанять. Так как тот, второй, уволился из-за того, что денег ему с некоторых пор не платили. Лена отнеслась к вопросу на удивление ответственно и третьим адвокатом у меня стала женщина. Приятная такая, лет сорока. Ирина. Деньги на нее собирали все друзья, кто остался у меня к тому времени. Она тоже была высокооплачиваемым юристом. И еще на неё произвела впечатление сама история, которая с нами приключилась. Она искренне хотела мне и Лене помочь.

Несмотря на то, что Ирина вошла в дело, когда все было написано и решено следствием, она подавала ходатайства об изменении квалификация статьи с умышленного при отягчающих на превышение пределов необходимой обороны, настаивала на проведении дополнительных психиатрических экспертиз в отношении нашего Андрея. Ведь человек в нормальном состоянии не мог нанести столько ножевых ранений, ни одно из которых не смертельное. Она даже, при наличии у нас больших средств, смогла бы уговорить суд

действительно вменить мне более мягкую статью. Но, увы! К моменту вынесения приговора предложить нашей судебной системе мне было уже нечего. Деньги кончились.

У меня сохранилось записанное мной выступление обвинителя перед приговором (так называемый «запрос прокурора»). Все я его приводить тут, конечно, не буду, но некоторые места процитирую:

«Подсудимые надеялись на нормальный исход событий, план отсутствовал.

Шемарулин предупредил два убийства (здесь имелось в виду то, что вместе с потерпевшими рэкетирами приехал директор страховой компании, у которой они были «крышей», и его водитель. Бандитский джип после аварии ездить отказался. А я сказал своим ребятам, что эти двое не бандиты. Прокуратура вообще вывела сначала версию, что мы собирались убить всех четверых! – А. А.).

Способ убийства – избивание руками и ногами, тросом и так далее. В момент погружения в ВАЗ 2109 потерпевшие уже были убиты (что противоречит выводам экспертизы! А. А.) События полностью закончены. Если бы они были живы, то подсудимые обвинялись бы по статье 93 через 17 (то есть попытка умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах – А. А.)

Дальнейшие действия В. (Андрея – А. А.) – в удостоверении результата. Заинтересован в этом был Шемарулин. По-

дается команда на добивание, которую исполняет В. Телесные повреждения ножом были причинены мертвым гражданам.

Качество следствия – отрицательное, мне стыдно за свою фирму (*Имелась в виду областная прокуратура*). Но доказательства достаточно.

После того, как адвокаты настаивали на вызове свидетелей, я проникся к ним уважением. Выяснилось, что показания, сказанные и записанные – две большие разницы.

Вопрос с ножом решен, им могли быть нанесены телесные повреждения.

На экспертизу были взяты не те (! – А. А) брюки Г. Александра, но кровь на сапогах Л. Могла произойти от потерпевших.

По поводу крови в машине ВАЗ 2109 – пометка на дверце, пятно на сидении. Сколько крови – не ясно, но не много. Обильного кровотечения не было, следовательно, ножевых ранений до погружения потерпевших в машину не наносилось.

В показаниях подсудимых нет целей убийства, нет мотивов (денег), но есть разногласия. Я расцениваю показания подсудимых как попытку уйти от наказания, попытку негодными средствами доказать свою невиновность.

Обвинение не конкретизировано, шаблонно, не предъявлено в полном объеме для всех. Шемарулин – руководитель и исполнитель. Кроме общей идеи, он принял участие

в убийстве – помог в поимке и помещении в багажник Г. (*потерпевшего* – А. А.), сидел за рулем и вел «Олдсмобиль».

П. только задерживал, но не догони и не прими он участие в задержании – действия, приведшие к убийству.

Остальные – исполнители.

О разбойном нападении с целью завладения «Олдсмобилем» и нечего сказать... Шемарулин владел ключом и проехал 3—5 километров. (*Мне еще и разбойное нападение поначалу вменяли!* А. А.) Нет доказательств о завладении шапками и деньгами, но ценности и деньги, хотя этого никто не подтвердил (!), были распределены между подсудимыми. Обвинение по статье 142 части третьей (разбойное нападение) предлагаю исключить как излишне предъявленное.

По поводу Шемарулина. Я сомневаюсь, что у него есть корысть. Если предположить, что он убивал с целью не платить потерпевшим вымогателям 5000 долларов, то это еще не корыстный мотив, так как это не деньги потерпевших. В действиях Шемарулина нет корысти, пункт «а» предлагаю в его отношении исключить. Квалификацию ему оставить статья 93 пункт «г» (двух лиц)».

Прокурор сделал комплимент адвокатам. Моя защитница не осталась перед ним в долгу и в своем слове тоже сказала, что после его выступления стороне защиты уже можно и не выступать. Она за всю карьеру не слышала от обвинения речи, которая бы еще больше была в пользу подсудимых.

Действительно. Что же получилось?

Плана не было. Значит, речь о спланированном умышленном убийстве не идет. А, следовательно, всех по статье за умышленное убийство и судить то нельзя.

Способ убийства – избивание руками, ногами, тросом и т. д. Получается, что шесть человек, из которых один не бедный бизнесмен, один сотрудник СБУ и два курсанта решили совершить убийство, но никакого оружия не взяли. Глупо думать, что не было средств или возможности. Еще, зная заранее, что будут трупы, ничего не придумали для того, чтобы их спрятать. А тот способ убийства, который считал доказанным прокурор – прямо какой-то садизм из любви к процессу. У всех участвующих. Которые до этого ни в чем подобном ни разу замечены не были. И после, кстати, тоже.

В момент погружения в ВАЗ 2109 потерпевшие уже были убиты. Я сразу сделал комментарий, потому что в выводах экспертизы, которая на суде была доказательством, прямым текстом написано противоположное. Что смерть наступила в результате ножевых ранений вследствие потери крови потерпевшими. Но обвинитель прямым текстом говорит обратное. И ничего.

Показания, сказанные и записанные – две большие разницы. На этом моменте остановлюсь подробнее. Уж очень он характерный. Следствию зачастую совсем не обязательно выбивать показания какими-то физическими методами воздействия. Скажу больше, многие из тех, кто жалуется на то, что в милиции пытали, избивали, мучили голодом и не дава-

ли спать, виноваты сами. Тем, что спровоцировали оперов, называя их мусорами и другими выражениями, угрожая разными последствиями и подчеркивая свое отношение к преступному миру.

Законопослушных граждан в большинстве случаев не быют. С ними работают по-другому. Сначала получают необходимую информацию. Желательно, конечно, фактическую. Потом эти факты рассматривают немного под другим углом зрения. С этого угла разрабатывают версию, подходящую следствию, преступление по которой квалифицируется по максимально тяжелой статье. И уже в дальнейшем придерживаются выбранной линии, доказывая то, что необходимо, при помощи свидетельских показаний. А свидетелей можно уговорить показать все, что необходимо. Особенно если напугать свидетеля тем, что он может сам стать подозреваемым.

Возьмем, опять же, мой пример. Все основания квалифицировать наше дело по максимально тяжелой статье следствие получило из того факта, что за день до событий мы ездили в поселок Бортнич. Смотрели на место, где будем встречать рэкети́ров. И обсуждали, как будем с ними поступать. О том, чтобы их убить, речи не шло. Однако в первые часы дознаватели просто зафиксировали сам факт нашей поездки. Затем следствие подтвердило этот факт письменно. Так как он действительно имел место, с ним никто не спорил. Но прокуратура из этого факта сделала вывод, что именно

тогда и именно таким образом убийство и планировалось. То есть имел место заранее совершенный сговор. И еще, якобы мною предлагались деньги. Именно за убийство.

О деньгах на той нашей встрече речь действительно шла, но в другом контексте. Ведь эти ребята работали на меня, и между нами вообще обсуждался вопрос об открытии охранной фирмы. Для чего и требовались финансы. Нужны были средства передвижения и связи. Ну и какая-никакая зарплата мною им платилась.

Но все эти тонкости прокуратура опустила. Вместо них все было оформлено как то, что я заказал потерпевших и предлагал деньги киллерам. А подтвердил это свидетель. Водитель моего BMW, Славик, к тому моменту уволенный мной за небезопасную езду. Особенно переживать за мое будущее он был не обязан. Поэтому ему просто дали подписать показания, где он подтверждал, что якобы слышал разговор между мной и парнями о том, что они должны будут убить бандитов, а я каждому дам определенную сумму. Хотя даже и он сначала отказывался, говоря, что такого не было и наговаривать на меня он все-таки не хочет.

Однако после того, как следователь напомнил о двух его детях и жене, которая вряд ли сможет позволить себе носить передачи и ездить потом на свидания, ему пришлось на предложение прокуратуры согласиться. Внешние основания у следователя были. Славик тоже был в том месте. Приехал меня забирать из леса на моей машине. И мог стать как

свидетелем, так и соучастником.

А вот еще один парнишка, Паша П., в точно такой же ситуации подписывать предлагаемые прокуратурой сочинения отказался. И пошел по делу вместе со всеми. Да получил в итоге 8 лет. Хотя по большому счету ему нельзя даже было предъявить обвинение по 186-й на тот момент статье («знал и не сказал»). Он оказался на месте, где все случилось, вообще случайно. Хотел встретиться со мной, позвонил в офис, потом в машину (мобильные телефоны были тогда в лучшем случае в машине, но не с собой), где тот самый водитель ему предложил поехать с ним и встретить меня в Борничах. Там он проспал все мероприятие.

Однако факт его присутствия позволил следствию обвинить его по той же статье, что и всех нас. Хорошо хоть не 15 лет ему дали. На каждого из нас в деле было по одному тому. Так вот у Паши весь том – одни жалобы. Показаний нет вообще. За что он и потерял восемь лет жизни. А подписал бы то, что прокуратура предлагала, и забыл бы обо всем через полгода после суда.

Вот и получается, и Славика, водителя, обвинять нельзя в том, что он нас оговорил (жену и детей жалко), и Паша ни за что отсидел 8 лет!

Все вышесказанное еще раз подтверждает, что прокуратура работать умеет. Знает, как и с кем. И обещания выполняет. Дали же срок Паше. А Славику нет.

Последний, кстати, на суде все рассказал подробно. Где он

был, что он мог видеть, а что нет. И как в деле появились такие его показания. Все это в протоколах суда было. И именно об этом обвинитель говорил, что «показания сказанные и записанные – две большие разницы».

Аналогичные показания были и у Игоря К. – директора той самой страховой компании, которую «крышевали» потерпевшие, и у Юры – его водителя. Местами даже было смешно.

Вот, например. Спрашивают на суде у Игоря:– «Вот тут в ваших показаниях записано, что Вы видели, как один обвиняемый делал то, другой это, третий еще что-то. Подтвердите перед судом свои показания». На что он ответил: – «То, что там написано – полнейшая чушь! Ничего я видеть не мог, так как у меня зрение -8 близорукость, а мне при захвате выбили контактные линзы, они потерялись, и я все время сидел вообще слепой».

А Юра: – «Вы говорили, что видели, как в багажник „Олдсмобиля“ поместили потерпевшего Г.. Можете подтвердить? – Нет, – говорит – я этого не видел, догадываюсь только, что такое возможно и было. Ведь у „Олдсмобиля“ багажник большой, туда человека три помещается». (Причем так это сказал, как будто были прецеденты до нашего случая).

Однако все это нам не помогло.

Почему следствие всегда пытается предъявить самую тяжелую статью из возможных? Все очень просто. Есть две причины. Первая в том, что за раскрытие и доведение

до суда серьезных преступлений и поощряют серьезнее. Дают звания внеочередные, премии выписывают, для карьеры опять же плюс.

А вторая в том, что чем тяжелее квалификация, тем больше времени на процесс. Вот по нашей статье следствие официально могло длиться полтора года. Как, впрочем, и было. Хотя, как я говорил с самого начала, у нас в деле все было понятно в первые дни. Просто следственная группа обеспечила себя не пыльной работой (а точнее ее отсутствием) на год и шесть месяцев вперед.

Я еще не писал, что в следственной группе у нас было больше двадцати человек. Из всех имевшихся на тот момент структур системы правоохранительных органов. Главным в группе был следователь прокуратуры области по особо важным делам. Курировал её работу заместитель областного прокурора. Еще были следователи из прокуратуры военной, СБУ, оперуполномоченные управлений по борьбе с организованной преступностью, с преступлениями в сфере экономики, просто уголовного розыска. Были ревизоры из Контрольно-ревизионного управления министерства финансов. Некоторые из них вообще ни разу меня не видели. Но все получали зарплату на протяжении следствия. А после его окончания благодарности за удачное доведение дела до суда. Лично против меня никто ничего не имел. Даже наоборот, все морально поддерживали, говорили, что на моем месте поступили бы также и вообще я нормальный парень, просто

не повезло.

За исключением начальника группы, того самого, по особому важному. Это был такой дедушка, еще, как мы шутили, сталинских времен. Он меня сразу невзлюбил. Хотя в этом виноват был в основном я сам. И еще мой уровень жизни до ареста. Я не мог общаться с ним без сарказма, делая то, что сейчас не советую делать другим в подобных ситуациях. Смеялся над его костюмом советского инженера середины 70-х годов, над его внешним видом, далеко не журнальным, над тем, что, как он говорил, 30 лет в прокуратуре, а до сих пор на работу на метро ездит. Конечно, веселился я не вслух, но всем видом своим давал ему понять, что я как жил лучше него, так и буду, если он мне на высшую меру не напишет. Вот поначалу он и старался.

Мне даже адвокат говорил, зачем ты его против себя настраиваешь? Я обещал не настраивать, но как-то срывался. Даже не знаю почему. А Алексей Петрович отвечал мне тем же. Как то раз он даже признался, что хоть он и понимает, что в нашем случае и ситуация в мою пользу, и сам я характеризуюсь положительно, максимум я получу не за состав преступления. А за то, что моя жена за 2 дня поездки в Одессу потратила денег больше, чем он за последние пять лет заработал. Так что перед тем, как хорошо жить, подумайте. Может быть такое, что ваш уровень жизни станетотягчающим вину обстоятельством.

Конечно, к нынешнему времени кое-что поменялось. На-

пример то, что многие следователи прокуратуры, особенно настолько высокопоставленные, как бывший по моему делу начальником следственной группы, живут намного лучше среднестатистических граждан и уровнем жизни их уже не удивить. Зависть, естественно остается. Но отношение к богатым «клиентам» теперь сводится к тому, как бы вытребовать побольше денег, и при этом решить вопрос человека безболезненно для себя.

Сейчас в деле, аналогичном моему, следователь не стал бы пытаться максимально ухудшить положение подследственного только потому, что тот жил хорошо. Он, я уверен, попробовал бы выяснить, сколько в состоянии заплатить человек за то, чтобы смягчить квалификацию преступления и как получить деньги. Скорее всего, делалось бы это через адвокатов. И если бы цена решения вопроса устроила все стороны, конечно речь бы о таком сроке не шла. А при наличии больших денег можно было бы смягчить дело настолько, чтобы не сидеть вообще.

Ну, а если денег у вас нет, или недостаточно, чтобы заплатить ту сумму, на которой сойдутся адвокат и следователь, тогда извините. Вам будут вменять максимально тяжелую статью из возможных. Не из-за принципиальной нелюбви следователей к людям, а по тем двум причинам, о которых я писал выше.

Не стоит питать иллюзий и насчет суда. Даже если вы уверены, что в вашу пользу все факты и обстоятельства, совер-

шенно не обязательно они будут оценены так, как рассчитываете вы. Они будут оценены исходя из внутреннего убеждения судьи. А убежден он может быть кем угодно и в чем угодно. Например, обвинением, особенно при наличии финансовой поддержки от потерпевших. Или вашей стороной, то есть адвокатами. Вот получилось бы в моем случае у защиты убедить суд в отсутствии умысла на совершение убийства у основных участников событий, не сидел бы я 15 лет за решетками и заборами.

А убеждать ведь было чем. Если сам прокурор говорил, что и плана не было, и корысти в моих действиях не усматривается, судья мог бы очень даже легко изменить квалификацию на более легкую и приговорить к чему-нибудь полегче. Но денег, как я уже писал, на суд у меня не хватило, и поэтому у председательствующего судьи не было оснований менять свое «внутреннее» убеждение.

Такие статьи, по которой судили нас, рассматривает коллегия судей, состоящая из пяти человек. Два судьи, один из которых председательствующий. И три народных заседателя. Их в народе называют «кивалы». Многие уже писали, что точнее названия им не придумаешь. От них ничего не зависит вообще. Но при решении вопроса, в случае если он решается при помощи денег, их тоже следует учитывать. А это автоматически увеличивает сумму. Раза в три.

Поэтому, если судья у вас один, считайте, что вам повезло. Дешевле обойдется. И адвокату проще найти подход

и о чем- то договориться с одним человеком, чем с несколькими. Учитывая еще то, что они (судьи) не всегда доверяют друг другу.

Так что, подводя некоторые итоги написанному, скажу: для того, чтобы перестраховаться на случай попадания под уголовное преследование, от которого ни один нормальный человек не застрахован, найдите адвоката. Для начала просто познакомьтесь с кем-нибудь, кто работает в этой сфере. И не теряйте контакта. Конечно, желательно, чтобы он знал систему, имел связи и мог заходить в разные инстанции. Но даже если это будет какой-то ваш знакомый, недавно закончивший соответствующий ВУЗ и только получивший лицензию, это гораздо лучше, чем если ваши родные будут впопыхах искать адвоката и договорятся с первым попавшимся.

Не скажу, что знакомый обойдется дешевле, но к нему будет больше доверия. В такой ситуации это очень важно. И даже если он только начал работать, так или иначе у него будет больше возможностей найти варианты решения вопроса, чем у вас самих.

В той системе нужно играть по ее правилам. А они требуют наличия посредника между вами и правоохранительными органами (в том числе и судом). И самая важная функция этого посредника – передача денег.

Ну, и не забывайте, что не стоит лишний раз настраивать следствие против себя. В большинстве случаев они свое дело

знают хорошо. И если вашему адвокату удастся найти общий язык и с ними, вообще прекрасно.

Глава третья. Что интересного в тюрьме

Камеры, в которых я сидел: 184, 45, 17, 5, 4, 95, 5, 343, 193, 75, 147, 173, 147.

Начну с того, что до момента моего ареста я знал о местах лишения свободы не больше, а может и меньше, чем знает среднестатистический гражданин. Тем более, что тогда, в отличие от нынешнего времени о том, что происходит в тюрьме, информации было очень мало. Единственное, что вспоминается, пара фильмов. Один из которых «Беспредел», а второй – «По прозвищу «Зверь»». Возможно, были и какие-то художественные произведения, авторов типа Шитова, но мне они не попадались. И ничего, кроме «Архипелага Гулаг» я про зоны не читал.

Так что, исходя из имевшейся информации о том месте, куда я попал, у меня были основания опасаться за свою дальнейшую жизнь и здоровье. Но особой боязни со своей стороны я не припоминаю. Может, это связано с шоком от резкой смены обстановки. Попадание в тюрьму, вообще один из самых больших стрессов, какие только возможны в жизни человека.

Помню, что в первую ночь моего заключения, на КПЗ

в Броварах, я провел в одиночестве. Но был такой уставший от произошедших событий, что заснул, как только переступил порог камеры. На следующее утро меня перевели в другую камеру, где содержались уже два человека. Один какой-то малолетка, которого я плохо запомнил. Второй – мужик, рассказывавший, что он уже отсидел довольно много и вот опять собирается на следующий срок.

И первое, что я его спросил, было: «А вот дают людям срока, ну там по три года, по пять лет, и что, они все время тут сидят?» Это рассмешило не только много отсидевшего мужика, но и малолетку. Сразу же мне принялись объяснять, что то место, где мы находились – КПЗ, то есть камера предварительного заключения. В ней держат не дольше нескольких дней, пока не будет получена санкция на арест. В те времена такую санкцию давал прокурор. Сейчас это зависит от суда. Но смысл остается прежний.

Как только мера пресечения определяется, арестованного должны перевезти из КПЗ в следственный изолятор (СИЗО). То самое заведение, которое в народе называют тюрьмой. Хотя, если вдаваться в подробности, тюрьмой называли специальное учреждение, где содержались осужденные, приговоренные судом к тюремному заключению. То есть к отбыванию срока не в колонии, а в камерной системе. Такой довесок к наказанию можно было получить за особо тяжелые преступления или за плохое поведение в колонии с режимом помягче.

Киевское СИЗО известно на территории бывшего Советского союза под названием «Лукияновская тюрьма». Название оно получило, понятно, от района, где находится. И если в дальнейшем в моем повествовании будет встречаться слово СИЗО или Лукияновка, значит, речь идет о киевской тюрьме. В ней я находился без трех недель три года.

КПЗ, в том числе и броварское, в котором я провел трое с половиной суток, со вторника по пятницу первой недели моего срока, в те времена не особенно отличались от камер, описанных Солженицыным. Хоть и прошло 40 лет со времен Гулага. Сцена, размером два на три метра на которой иногда спят по пять человек. «*Параши*», ничем не отгороженная от остальной камеры. Стены, покрытые так называемой «*шубой*» (специальным образом положенной штукатуркой, с выступающими острыми концами по всей стене). Тусклая никогда не выключающаяся лампочка. Окошко размером 40 на 40 сантиметров с выбитым стеклом, которого, впрочем, все равно не видно из-за металлического «намордника» (листа с отверстиями по сантиметру диаметром). Все, понятное дело, серое и мрачное.

В нынешние времена таких камер уже, наверное, и не осталось, может только где-то на периферии. Везде сделали «евроремонты», положили нормальную штукатурку, побелили, сделали приличные отхожие места. Нет больше «*сцен*», вместо них обычные нары, на которых вполне можно спать при наличии матраца. Нет и «*намордников*», по-

этому только что арестованные имеют возможность видеть дневной свет. Стало вполне терпимо.

Но это не значит, что тем, кто попадает сейчас, легче, чем было мне. Дело не в бытовых условиях. Дело, как говорится, в принципе. За день до этого ты мог делать все, что хочется, находиться там, где пожелаешь, общаться с людьми, которых сам выбрал для общения. А теперь находишься там, куда тебя поместили, делаешь то, что возможно в четырех стенах, общаешься с теми, кто есть, а наличие или отсутствие рядом этих людей от тебя не зависит. Сам по себе этот факт хуже мрачных прокуренных стен и разбитого окна за металлическим листом.

На психику это как влияло раньше, так и сейчас влияет. И никакими ремонтами тут не поможешь. У кого нервы слабые, тому вообще не позавидуешь. Что может случиться с человеком с неустойчивой нервной системой, лучше всех описал в своей книге «Иллюзия страха» Александр Турчинов, украинский политик и писатель по совместительству. Его герой в результате стресса вообще перестал разбирать, что реально, а что воображаемо. Правда, от того, что он оказался в камере, его проблемы только проявились ярче. А были они, в чем я уверен, и до встречи с правоохранительными органами и сокамерниками.

У меня психика оказалась более устойчивая и владеющая различными скрытыми механизмами смягчения последствий стрессовой ситуации. Пишу скрытыми, потому

что я и сам-то тогда о них не знал. Это уже потом, когда я проанализировал свои воспоминания, прочитал много литературы по психологии, я понял. Да, стабильный характер не так-то просто и поколебать.

Я справлялся с первоначальным потрясением при помощи двух вещей. Сна и чувства юмора. Тот самый мужик из камеры, который много отсидел, все четыре дня смешил меня и присутствовавшего малолетку веселыми историями. Из лагерной жизни. Я уже не вспомню ни одной из них. Но то, что я просмеялся все дни, пока был в Броварах, мне запомнилось навсегда.

Я даже не огорчился, когда меня посещал следователь, которого сразу назначили вести дело. Он, кстати, запомнился мне нормальным молодым парнем, который даже всерьез думал о том, чтобы изменить квалификацию статьи в сторону смягчения. Но поэтому его быстро и поменяли. На Алексея Петровича, который лучше разбирался в вопросах ведения следствия.

В первые дни меня хоть и вызывали на допросы, много времени это не занимало. Тогда работали в основном с подельниками и со свидетелями. Как я говорил, с адвокатом я познакомился где-то на третий день. О том, чтобы увидеть жену речи вообще быть не могло.

Она, однако, к ее чести будет сказано, отреагировала очень быстро. Об услугах Александра Григорьевича она договорилась в день моего ареста. А о том, что я нахожусь

в Броварах, узнала уже на следующий день. Привезла мне передачу. Я тогда еще как-то не задумывался о ценности передач в местах лишения свободы. Наверное, потому что не курил. А есть не хотелось. Поначалу было не до еды.

Запомнилось, что передачу на КПЗ в камеру всю не давали. Процесс ее выдачи выглядел так. Приглашали в специальную комнату, где досматривали переданное. Продукты, которые сразу было необходимо употребить в пищу, выдавали. Остальное оставляли в так называемой «камере хранения», обычном шкафу, который в этой же комнате и стоял.

В первой передаче жена мне зачем-то передала около килограмма чая. Я еще подумал: «Зачем столько-то?». Я его не особенно пил. Так, ароматизированный, в пакетиках. А тут черного целый килограмм. А оказалось, что просто моя супруга лучше меня разбиралась в том, что человеку в тюрьме нужно. Для чего мне столько чая, я понял уже, когда меня перевозили из КПЗ в СИЗО. Передачу перед этапированием (*так называется перевозка всякого рода заключенных*) мне отдали. И первое, что я услышал в «воронке»: – «Чай есть?».

Оказалось, что чай – неотъемлемая часть жизни в местах лишения свободы. Он крепко заваривается, получается «чифирь». Пьется зэками, причем с определенным ритуалом. Кружка идет по кругу, каждый делает по два глотка. По тому с кем человек пьет чай, определяется его статус. С кем ты чифиришь, тем ты и живешь. А в КПЗ чай по каким-то при-

чинам был запрещен, и несчастные арестованные, которые до того пили его годами, специально ждали этапа в СИЗО. Что бы сразу в воронке у кого-то взять пусть даже сухого чая, пожевать его и восстановить необходимый в тюрьме тонус.

Чай действительно повышает тонус и улучшает настроение. А помимо этого, или даже в связи с этим, считается чем-то вроде тюремной валюты. Второй по ценности после сигарет. Так что в СИЗО я попал уже подготовленным.

Думаю, что первым впечатлением практически любого человека, оказавшегося в Лукьяновском СИЗО, будет то, что он попал в подземелье. Как только автозак въезжает в ворота изолятора и останавливается на пункте приема арестованных, после проверки сопроводительных документов, что занимает до получаса, подследственные закрывают в так называемых «*боксах*». Это такие каменные мешки размером 3х4 метра, в которых держат новоприбывших до момента распределения по камерам.

Располагаются эти боксы в два ряда чуть ниже уровня земли. Так как окон в них нет, дневной свет туда не попадает и возникает полное ощущение нахождения под землей. Чтобы попасть из одного ряда в другой необходимо пройти через обыск и санитарный пропускник. Процесс этот занимает некоторое время. У каждого прибывшего до трех часов. Учитывая, что каждый день из СИЗО утром уезжают, а вечером возвращаются до 500, а то и больше, человек и всех

надо обыскать и помыть, три часа еще нормально.

Но проторчать в одном таком мешке полтора часа, дыша сигаретным дымом, запахом туалета и стен, покрытых пропахшей никотином «шубой», человеку со слабым здоровьем нереально. После чего во втором таком же мешке еще столько же. Не удивительно, что все, кто попадает в СИЗО, особенно бывшие политики, работники государственных учреждений и правоохранительных органов, моментально начинают жаловаться на здоровье. Хочу сказать, они не очень-то и преувеличивают. От пары часов нахождения в такой камере здоровье пошатнется у кого угодно.

Но, это только начало. Мне еще из первых часов в СИЗО запомнились принимающие контролеры. Которые дубинками и криками заставляли двигаться быстрее. Именно тогда окончательно понимаешь, что ты уже далеко не обычный человек, с какими-то правами. Права человека остались за высоким забором и колючей проволокой.

Те, кто приехал в изолятор с каких-то следственных действий или с заседания суда, довольно быстро, за те самые часа три, проходят через боксы и возвращаются в свои камеры по подземному переходу (который окончательно закрепляет ощущение подземелья). Поступившие впервые вынуждены ждать пока там, наверху, какой-нибудь оперативный работник тюрьмы решает, в какую камеру распределить прибывшего человека.

Вопрос это не простой. На то, куда будет помещен чело-

век, влияет много факторов. В частности, тот, кто никогда до этого не бывал в местах лишения свободы, должен содержаться с такими же новичками, как и сам. И в идеале, те, кто сидят в одной камере, должны как-то совмещаться друг с другом психологически. Во избежание конфликтных ситуаций. Таким вот совмещением и должны заниматься работники тюрьмы, от которых зависит распределение контингента по СИЗО. Они даже ради этого курс психологии проходят в своем учебном заведении.

Но на деле, влияние оказывают совсем другие факторы. Главный из них – следственная целесообразность. Если, конечно, человек проходит по такому делу, где еще не все ясно и не полностью доказано. В таком случае камера его будет на четыре человека, максимум на шесть. На тюремном языке она называется *тройником*. В этом тройнике ему предстоит встретиться с кем-то, кто или уже очень долго сидит, все знает про тюрьму, зоны и следствие, или имеет много общего с заехавшим.

Такой человек составит приятную компанию, в чем-то даже утешит, что-то подскажет. И при этом выяснит то, что еще не совсем понятно следствию и в точности ему передаст.

Название таким сокамерникам придумали разные. «*Курица*», «*наседка*», «*кумовской*» и так далее. Все про них пишут, даже удивительно, что до сих пор есть люди, которые случайно попав в тюремную камеру, ничего про подсадных уток не знают. Но удивительно и то, что как в случае игральных

автоматов или финансовых пирамид, все знают, но попадают. Постоянно. И это немного из того, что не поменялось за время, пока я отбывал наказание, за годы и годы до меня, и, уверен, не поменяется никогда. Пока не перестанут сажать рецидивистов к «первоходочникам» (*тоже зонавское выражение, те, кто по первому разу*).

Тут работает простая человеческая психология. Знай человек хоть тысячу раз, что ни о чем, относящемся к делу говорить нельзя, в камере он от этого не сможет удержаться.

Выговориться просто необходимо. Неважно перед кем. Для психологической разрядки. Ведь почти никто не в состоянии держать в себе то, что беспокоит в данный момент больше всего.

Так что без общения невозможно. Обсуждаются сначала общие темы. Из которых самая общая – кто за что попал и какие мусора уроды (мягко говоря). В процессе этого разговора тот, кто сидит для того, чтобы получить необходимую информацию, получает ее в полном объеме. И даже более того.

И ничего странного в этом нет. Общение с сокамерниками проходит не в определённые часы, как со следователями. А с момента, как человек проснется, до того, как опять ляжет спать. Целый день, с утра до вечера. Без всяких перерывов. В принципе, кроме общей упомянутой темы будут обговорены вообще все, какие только возможны. Биографии сначала сидящих, потом их родных, потом знакомых. Раз-

личные вопросы образования, религии, политики. Музыка, кино и женщины. Вообще все, что можно только придумать.

Так что, в результате этого общения, повторюсь еще раз, тот, кто сидит рядом с вами и если его задача – помочь следствию в сборе доказательств по вашему делу, получит огромные возможности их найти. С ваших слов. Конечно, на суд этого человека не вызовут. Но, исходя из того, что про вас станет известно, следственные органы привлекут свидетелей, которые подтвердят всё, что нужно. А если вы расскажете о каких-то реальных фактах, то и экспертизы все необходимые проведут. Чтобы вас изобличить.

Что можно посоветовать на этот счет? Первым делом, оставшись наедине с самим собой, решите, что и как может быть доказано, пусть даже теоретически. Какие факты могут быть трактованы двояко, какие люди и за что вас недолюбливают и могут на вас наговорить. Получится определенное количество пунктов.

Так вот, дайте себе обещание, что эти пункты **никогда и ни с кем** во время нахождения в камерах под следствием вами обсуждаться не будут. Лучше всего запомнить **ключевые** слова и зафиксировать их в памяти. Как только разговор с кем бы то ни было будет наткаться на эти **слова**, сразу меняйте тему!

Возможность остаться наедине может появиться или перед помещением в КПЗ (пока будут держать вас в так называемом «обезьяннике»), или когда в камере вы некоторое

время будете сами. Конечно, даже в присутствии сокамерников можно избежать общения и поразмыслить над тем, какие темы обсуждать, а какие закрыть для любого обсуждения. Но это не у каждого получится.

У меня, например, не получилось.

Как я уже писал, в Броварской КПЗ я провел трое с половиной суток. С позднего вечера понедельника по раннее утро пятницы. Помню, что по делу там я почти ни с кем не говорил. Возможно, что тогда следствие еще не определилось окончательно, по какой статье меня разрабатывать. Да и казалось им тогда, что доказательств по моему делу достаточно. Поэтому там я с «наседками» не встретился.

А вот в СИЗО я и столкнулся именно с тем, о чем рассказывают и пишут.

Помню, как вчера. Переезд в «воронке» из Броваров в Киев. Прием в описанном выше подземелье. Часы нахождения в каменных «боксиках». Обыск. Оформление, то есть снятие отпечатков пальцев, фотографирование, составление анкеты. Путешествие под конвоем по долгому подземному переходу в собственно тюремные корпуса. Бесконечные железные двери с решетками, узкие каменные лестницы, ряды зеленых железных дверей с глазками и засовами.

Четвертый этаж корпуса под названием «Катка».

Кто не знает – от русской царицы Екатерины. Хотя корпус и был построен гораздо позже ее правления, сверху он

имеет вид буквы «Е». Сразу упомяну, что на Лукьяновке имеются еще корпуса названные именем не менее известных исторических деятелей России и независимой Украины. «Столыпинка», «Брежневка», «Кучмовка». Исходя из названий, можно примерно определить возраст каждого. Не могу не похвастаться (хотя данное слово в моем контексте не совсем уместно), что я был в числе первых обитателей «Кучмовки». Но до этого еще полтора года.

Камера 184. «Катка». До меня там сидели два человека. Оба довольно колоритные.

Один – цыган из Ирпеня. Вова по прозвищу Тихий. Как я впоследствии узнал, его рассказы о том, что он пользуется уважением среди киевских цыган и имеет дела с несколькими известными бригадными авторитетами, не были лишены оснований. У нас с ним сразу нашлось кое-что общее – автомобили BMW и интересы в сфере автосервиса и стоянок. Вове было на тот момент 37 лет, и сидел он по обвинению в вымогательстве.

Несмотря на то, что он обвинялся в занятиях рэкетом, а у меня потерпевшие были вымогателями, мы неплохо с нимладили. Конечно, для этого мне пришлось много рассказывать о том, за что меня все-таки посадили. Но и он особенно не скрывал деталей своего дела. Которые сводились к тому, что он хотел свое, а его обвинили в вымогательстве. Он, конечно, был не против у кого-нибудь что-нибудь повымогать, но в этом случае дело, по его словам, было совершенно

надуманное.

Второй житель 184-й камеры поначалу показался мне серьезнее и авторитетнее Вовы Цыгана. Его звали Саша. Прозвище – Немец. По его словам, к моменту нашего знакомства отсиженных лет за его спиной было целых 17 (!). Да и татуировки его говорили об этом же. Для меня, как для человека от тюрьмы далекого, это было, безусловно, внушительно.

Он утверждал, что за время своих сроков был в близких отношениях с такими людьми, по сравнению с которыми те авторитеты, о которых я слышал, просто мелкая дворовая шпана. Отбывал наказания в разных местах. Например, в Коми АССР. А до того, первый срок, вообще где-то в Красноярске. Последний раз его посадили за какую-то кражу. Но так как он уже битый волчара, доказать ему ее не могут. Поэтому возят по СИЗО уже полтора года.

Послушать его было интересно. Он знал кто есть кто в уголовном мире, много говорил о «понятиях», о жизни в тюрьме и на лагере, о «мастях» заключенных. С его слов я немного начал разбираться, чем отличается «блатной» от «мужика» и узнал, что «петух» это далеко не домашняя птица.

Как и любой представитель традиционного криминалита, он не очень уважал современные на тот момент течения. Такие как рэкет, сутенерство и торговлю наркотиками. Поэтому он, так же как и Вова, нормально отнесся к моей ситуации. Оба они пришли к выводу, что мои потерпевшие беспрельничали и получили от нас то, что заслужили. Осо-

бенно в случае угроз в отношении моей жены и родителей подельника Андрея.

Кроме этого Саша аккуратно подталкивал меня к мысли, что я совершил такой поступок, который может даже создать обо мне определенное мнение в преступном мире. Не авторитет, конечно, сразу. Но с перспективами на будущее. И для того, чтобы это мнение поддерживать и развивать, необходимо... Чтобы вы думали? Ну конечно же. Делать взносы. В «общак». Который в нашей «хате» был, естественно, у Немца.

Сыграл он на моем самомнении очень технично. Подпитка, конечно, была неплохая. Одно то, что в камере под нами сидел Череп (тот самый), а Саша рассказывал, что с его (Сашиной) помощью, он узнал про меня и теперь у меня будет возможность, в случае необходимости решать вопросы с таким авторитетным человеком, порождало во мне надежды на будущее.

Уже вскоре я вспоминал об этом со смехом. Череп тогда действительно сидел там, где я сказал, но вряд ли он всерьез переписывался с нашим сокамерником.

Еще по советам Немца мне не стоило очень настаивать на том, что убийство произошло уж так случайно. Наоборот. Он говорил, не надо скрывать, что «терпилы» получили по заслугам. И развивая в разговоре со мной эти темы, он получил от меня столько информации, что прокуратура потом исписала кучу бумаги. Появилось еще много людей,

которых понадобилось допросить, наметился еще целый ряд вопросов, которые следовало задать.

А еще после общения с ним меня стали посещать сотрудники отделов по борьбе с экономическими преступлениями. И вопросы у них были весьма конкретные.

Александр Григорьевич, зная методы работы наших следственных органов, сразу по моему приезду в СИЗО предупредил меня о том, что в камере у меня будет секретный сотрудник и что надо думать, о чем имеет смысл говорить. А лучше дело вообще не обсуждать. Но первое время я не особенно следовал его советам. Уж очень убедительно рассказывал о жизни Саша Немец.

У нормального человека поначалу в голове не укладывается, что преступник-рецидивист может запросто сотрудничать с милицией. И даже получать за это вознаграждение. В виде сигарет, чая, колбасы и возможности выпить с «кумом» водки.

Иногда Сашу вызывали из камеры на следственный корпус. Он рассказывал, что идет к адвокату. Который ему приносит передачу с упомянутыми продуктами. Как-то я тогда еще не мог подумать о том, что у него не может быть такого адвоката. Защитник, назначенный государством бесплатно (*по-тюремному «мусорской»*) водки не принесет. И о том, что после 17 лет, проведенных в местах лишения свободы, вряд ли у человека будет жена, которая наймет ему дорогого адвоката. А у недорогого, как и государственного, вряд ли

будут такие возможности.

Вова Цыган, наблюдая наши отношения и слушая наши разговоры, только посмеивался про себя. Он, как человек, имеющий отношение к преступному миру и знающий о тонкостях и нюансах камерной жизни, прекрасно разобрался в том, кто такой Саша Немец. И в том, что половина из его рассказов – вымысел в чистом виде. Но, пока тот был в нашей камере, не мог мне об этом сказать. Даже тогда, когда мы оставались вдвоем, пока Саша ходил к «адвокату».

Вова не мог доверять и мне. А то вдруг он поделится со мной своими соображениями насчет того, куда ходит Немец и о чем там рассказывает, а я возьму ему и расскажу. Ведь доказать что-либо в этом плане невозможно. А проблемы потом гарантированы.

Так мы и жили первые три без малого месяца. Саша помогал писать «малявы» на свободу. У него якобы была возможность туда их передавать. Большая часть из них сводилась к тому, что нам не хватает тут денег для решения разных, не помню уже каких вопросов. Да и «общак», опять же.

«Малявы» писали и я, и Цыган. Но тот, как я понимаю, делал это для того, чтобы подыграть Немцу. Сам же сразу через своего адвоката передавал другие инструкции своей жене, и она действовала в соответствии с ними. А в моем случае, вероятно, мой защитник пояснил Лене, насколько серьезно надо относиться к запискам, которые она получает не через него от меня. Могу себе представить, как бы я потом рас-

страивался, если бы она действительно передала через Сашиных контролеров те несколько тысяч долларов, о которых я писал.

Так что в качестве материальной пользы Немец довольствовался в моем случае золотой цепочкой, которую как-то странно не заметили во время обыска при приеме в СИЗО. И несколькими блоками сигарет, которые по моей просьбе передала мне жена, а он увез с собой, якобы в качестве «грева» на лагерь. От *«стремящегося»* Саши Адашева.

А уже когда Немец отправился в колонию строгого режима, в Одесскую область, о чем я помогал писать ему заявление, Вова и обратил мое внимание на некоторые странности. На то, что адвоката, приносящего водку и колбасу у него быть не может. На то, что если он был таким правильным пациентом, почти блатным, то чего же он побоялся ехать на один из трех расположенных возле Киева лагерей строгого режима. И на то, что во-первых, он вообще не должен был сидеть с нами в одной камере, а во-вторых, для его сторублевого дела полтора года следствия многовато.

Я слегка расстроился, и начал лихорадочно вспоминать, что же я ему наговорил за все время нашего общения. И то, что я вспомнил, меня не утешило. Практически все и про всех. Не буду утверждать, что именно из-за него я получил потом 15 лет, но если бы я что-то пытался скрыть в разговоре со следователями, они все бы узнали от Саши Немца.

Так что, если ваша камера – «тройник» и там есть кто-то

похожий на описанного персонажа, 100 процентов гарантии, что это еще один следователь. На общественных, так сказать началах.

После отъезда Немца мы пару дней пробыли вдвоем с Вовой Тихим, а через несколько дней к нам подселили (*в тюрьме принято говорить «закинули» или «забросили»*) пацана моего возраста. Леху из Молдавии, который уже успел побывать на малолетке. Он, как каждый молдаван, оскорблялся (*«обижался» говорить в тюрьме нельзя*), когда его называли Лехой. А вообще был довольно простой парень, посадили, правда, которого небезосновательно. Обвинялся он в мелком воровстве, и мечтал о том, чтобы ему дали не больше трех лет.

Цыгану я помог написать несколько жалоб и заявлений (вот когда пригодилось мое образование!). Ну и его жена с нанятым ею адвокатом не сидели сложа руки, правильно вкладывали Вовины деньги, и вскоре, то ли после суда, то ли еще во время следствия, он вышел из СИЗО на свободу.

Пока он сидел, из чувства арестантской солидарности (существует такое понятие), он пообещал помочь нашему сокамернику Лехе с адвокатом. Я, после выработанного в результате общения с Немцем иммунитета к камерным рассказам и обещаниям, очень скептически отнесся к тому, на что рассчитывал Молдаван со стороны Цыгана. Но жизнь опять меня удивила своей оригинальностью.

Леха ездил на суды куда-то в область. Его сняли с поезда за мелкое воровство. И как-то раз он в камеру не вернулся. Оказалось, что Вова Цыган, освободившись, выполнил свое обещание. Нанял ему адвоката, который за небольшой взнос добился подписки для Лехи. Это я узнал где-то через год от одного из моих многочисленных сокамерников, который после Лехиного освобождения общался с ним в Киеве.

Чтобы закончить рассказ про Вову Цыгана-Тихого опишу два интересных момента. Он тоже придерживался понятий и рассказывал, что старается жить и поступать в соответствии с ними. В подтверждение этого рассказывал один случай (хотя может и не один, но этот я запомнил). У Вовы была автостоянка, где продавались автомобили. И как-то один приезжий из Грузии парнишка, «гастролер», угнал с его стоянки какую-то недешевую машину.

Парень тот работал таким образом. Прилично одевался, костюм, папочка, и ездил по таким местам продажи автомобилей. В папке у него находилась «кукла» – пачка фальшивых денег, по виду тысяч на 20 долларов. Автомобили, как правило, стояли на стоянке, отгороженной шлагбаумом. И помимо сторожа, обязательно был еще человек, который принимал потенциальных клиентов на покупку автомобиля. Сейчас бы сказали – менеджер по продаже.

Угонщик заходил на стоянку, смотрел тачки, и просил провести тест-драйв одной из них. При этом как бы невзначай демонстрировал наличие у него в папке денег и доку-

ментов. Менеджер заводил машину, сел за руль и вывел ее за территорию. А парень этот оставлял для уверенности работников автостоянки свою папку, якобы с деньгами, и тоже сел в машину. Во время тест-драйва он просил остановиться, подходил к выхлопной трубе и спрашивал менеджера, почему оттуда течет вода.

Вода не текла, но чтобы ее увидеть, последний наклонялся и пытался ее рассмотреть. В этот момент получал по голове, ненадолго терял ориентацию, а паренек прыгал в машину и, благо, что она была заведена, давал по газам. Несколько стоянок он уже таким образом сделал.

Как Вове позвонили и рассказали, что он обеднел на одну из реализуемых машин, тот сразу решил, как с этим бороться. Он собрал максимально возможное количество своих людей, и посадил их на столько похожих стоянок, на сколько смог. Каждому дал описание гастролера.

И буквально на следующий день его вычислил. Бить не стал. Просто попросил отдать машину. Так как она еще не успела покинуть пределы Киева, паренек вернул ключи и рассказал, где она стоит. При этом думал, что угонять машины он уже не сможет по причине отсутствия здоровья.

Но, когда пацаны Тихого приехали на угнанной тачке, причем она оставалась такой же, как на стоянке, Вова угонщика отпустил. Да не просто отпустил, а дал ему денег. Объяснив это так, что он уважает работу каждого, а такой способ угона тоже работа. Но раз уж он оказался умнее, что ж поделаешь.

Жизнь. По понятиям. Еще он говорил, что потом приезжали Грузины, приближенные кого-то из воров в законе, и хотели с ним познакомиться с целью сотрудничества. Так как уж очень правильный поступок он совершил.

Все это с его, Тихого, слов. Я еще, когда он это рассказал, думал: «Ну ты и врешь!». Или вообще не поймал ты того угонщика, или действительно поймал, но здоровье ему испортил.

Однако где-то через год свела меня моя тюремная судьба с этим грузином. Сидел, само собой, за угоны. И он, рассказывая про свою жизнь в Киеве, точно так же описал тот случай. Со своей стороны. Говорил, что никогда в жизни так не удивлялся. Вычислили, забрали машину, но не избили до смерти, а отпустили, да еще и денег дали.

Потом еще сидел со мной парнишка, который общался с тем самым Молдаваном. Рассказывал, что познакомился с ним на каком-то из пляжей Киева. Тот был на модном микроавтобусе. Работал на Тихого. После освобождения, которое ему организовал последний, Леха пришел к Цыгану, тот дал ему денег, ключи от микроавтобуса, но с условием, что в любой момент будет в распоряжении и в досягаемости. У Тихого была своя небольшая бригада, и люди ему, в принципе, были нужны.

Но Молдаван оказался молдаваном. Он редко был в распоряжении и почти никогда в досягаемости. Вместо этого, познакомился с пацанами, один из которых мне это и расска-

зывал, и ездил по разным заведениям и снимал телок. За счет новых друзей, под наличие у него модной тачки.

В конце концов, у Вовы Цыгана лопнуло терпение, Леха был найден, наказан и изгнан из Киева.

Поэтому, когда года через полтора, в хату, где я в тот момент сидел, опять вошел Вова Тихий, я даже обрадовался. Раз уж другие люди о нем так положительно отзывались, и он мог позволить себе откупить совершенно бесперспективного дурачка только из арестантской солидарности, общение с ним могло оказаться весьма перспективным и полезным.

Во второй раз он опять обвинялся в вымогательстве. Но теперь дело вел недавно организованный УБОП. А год был 95-й. Время действия указа о борьбе с организованной преступностью. Убоповцы тогда серьезно подошли к вопросу отчистки Киева от авторитетов, которые не сотрудничали с ними или просто стали не нужны. В случае Вовы был найден студент юридического факультета Университета, который в качестве практики помог Тихого посадить. Он через знакомых одолжил у Вовы денег. Достаточно, чтобы Тихий хотел их возврата. Во время их возврата его и приняли. Как положено, в масках и с автоматами. Факт передачи был зафиксирован, а показания студента пошли ему в качестве зачета на курсе уголовного права.

Да и вообще, каким-то уставшим мне показался Вова Тихий во второе наше с ним пересечение на Лукьяновке. Он говорил, что будет рад получить 5 лет. Только для того, чтобы

отдохнуть от происходящего беспредела. Понятно, что жаловался он не на бандитский беспредел.

Я бы с удовольствием пообщался с ним после освобождения. Но, не пережил он бурных 90-х.

Из 184-й хаты перекинули меня в 45-ую. Эта камера находилась в корпусе, названном в честь генерального секретаря ЦК КПСС. Брежнева, я имею в виду.

В этой камере про меня уже слышали. До меня там сидел мой подельник Виктор, брат сотрудника СБУ Александра. Он шел по одному делу с нами, но обвинялся не в соучастии в убийстве, а в том, что помогал брату и еще одному участнику событий, Алексею, прятать трупы потерпевших. Через три недели после происшедшего.

Статья, которую ему вменяли, называлась «заранее не обещанное укрывательство совершенного тяжкого преступления», и максимальный срок, который ему грозил – 3 года. Поэтому его продержали в СИЗО вместе со всеми нами три месяца, после чего выпустили под подписку про невыезд.

Кстати, это тоже было одним из методов получения необходимых прокуратуре показаний от Александра. Ему объяснили, что сидеть придется в любом случае, а вот брата могут выпустить. А могут и не выпустить. И для того, чтобы Витя вышел на подписку, Саша должен был подтвердить уже окончательно к тому времени разработанную версию след-

ствия. Которая сводилась к тому, что я предлагал ему и другим участникам событий деньги за убийство. И что мы заранее планировали лишить жизни наших потерпевших.

А чтобы Александр был еще более сговорчивый, дома у них в результате обыска были изъяты где-то с десятков автоматных патронов, а в гараже десять лобовых стекол к Жигулям. За патроны возбудили уголовное дело за незаконное хранение оружия и боеприпасов против него с братом, а за стекла – дело по статье «Спекуляция»! Да, такая еще тогда была. И посадить за нее вполне могли. Причем не того, кто уже сидел, а еще и их отца. Бывшего прапорщика, к тому времени пенсионера.

Понятно, что их мама такого бы точно не выдержала. И в результате необходимые показания от братьев следствие добыло. Отца их, слава богу, не посадили, дело о «спекуляции» закрыли, Виктора выпустили на подписку.

А я переехал в камеру, в которой тот содержался первые три месяца нашего следствия.

Конечно, мой переезд туда был не случайным. Там тоже сидел мужичок, звали которого Петя, и отсиженных у него было тоже о-го-го сколько. Лет Петрухе было около сорокапяти. Занимался он всю жизнь карманными кражами. За что регулярно сидел. Быть карманником ему не мешало даже то, что во время отбывания одного из многочисленных сроков он лишился кисти левой руки. Работал он на столярке, и отрезало ему ее пилой.

Однако он запомнился мне своим чувством юмора и простым отношением к проблемам, которые все восприняли бы как сложные.

«Кисти руки нет?». «Зато никто не думает, что это я сумки режу!» Приблизительно так он относился к своей инвалидности.

Как же тогда он попал в этот раз, задал я ему естественно такой вопрос. На что он ответил, что по большому счету сел сам. Надоело ему на свободе. Как инвалиду больше трех не дадут, хоть он и рецидивист. А там может быть, что-нибудь на свободе поменяется. Или заочку (*знакомую по переписке, чем очень любят заниматься некоторые зэки*) себе найдет и проведет старость в спокойном месте.

В процессе нашего общения я рассказал ему про Сашу Немца, помощника моей следственной группы. С таким аккуратным вопросом, почему меня опять посадили к рецидивисту. А Петруха меня удивил. Он не стал придумывать никаких тому объяснений, а просто сообщил мне, что и он тоже сотрудничает с оперчастью. Витю как раз к нему и посадили, чтобы выяснить все, что он знал, но на допросах не говорил.

А вот мотивы своего сотрудничества с милицией он объяснил очень четко и понятно. Пока он работает с ними, и сокамерники у него с передачами, и телевизор в камере есть, и администрация тюрьмы нормально относится. Сидеть, короче, можно. Само собой, если бы он видел, что я это неадекватно восприму, откровенничать не стал бы. Но, учитывая

то, что я к преступному миру не отношусь и вообще человек сравнительно нормальный, решил, что риска никакого нет. А отношения будут налажены.

Закончили мы знакомство тем, что он попросил меня то, что следствию знать не нужно, при нем не говорить. Отчитываться то ему все равно придется, и он так или иначе расскажет все, что услышит.

Из тех, кто сидел в 45-й камере с нами, я почти никого не запомнил. Был вроде бы член УНА-УНСО, сидевший по статье «незаконные вооруженные формирования». Такой себе сельский мужик. Он проспал все почти время на «пальме» (*так называется нара, находящаяся на втором ярусе*), никакой агитации за свою организацию не вел.

Я не забыл про него потому, что как-то раз вывели нас для очередного обыска в камере на коридор, и кто-то из контролеров или толкнул УНСОвца, или сказал ему что-то типа «шевелись», а я, недолго думая, говорю такую фразу: «Ты бы с ним поосторожнее. Того и гляди УНСО к власти придет, он тебя запомнит, представляешь, что тебе тогда будет?». Я даже не ожидал, что это такое впечатление произведет. Контролеры стали какие-то вежливые. А вот тот, именем которого я напугал администрацию, сам испугался, говоря, что зря это я. Они совсем не такие. Никому мстить не будут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.